

Л. М. ЛОТМАН

Еще раз о «мнении народном» в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина

В обширном пространстве исторических и литературных явлений русской культуры, ставших объектом научных исследований, размышлений и теоретической интерпретации Дмитрия Сергеевича Лихачева, русский XVII век занимает особое место. Это драматическая эпоха жизни страны, переломная и в ее истории, и в ее культуре, постоянно привлекала внимание ученого. Ему принадлежит немало капитальных открытий, смелых концепций и оригинальных наблюдений, связанных с анализом исторического процесса, литературного стиля, психологии и типологии людей этого времени.

Я, конечно, знала об этом устойчивом интересе Д. С. Лихачева, а также о его постоянном и сочувственном обращении к литературе нового времени, в частности к поэзии пушкинской эпохи и литературе XIX в., и, занимаясь историей драматургии XIX в., в частности исторической драматургии, не могла преодолеть соблазна поговорить с ним об истолковании событий XVII столетия в драматургии и исторической науке нового времени. Эти разговоры были для меня крайне интересны и в высшей степени полезны. Люди, конфликты, трагические эксцессы, борьба интересов в обществе конца XVI—начала XVII в. составляли излюбленные сюжеты исторической драматургии XIX в. Помню, как на одном из заседаний, проходивших в актовом зале Пушкинского Дома и посвященных «проработке» неугодных начальству ученых, к числу которых относились и я, и Дмитрий Сергеевич, мы, отвлекаясь от гнетущей атмосферы этого «шоу», стали обсуждать вопрос о политике и личности Ивана Грозного, о современном истолковании этой темы и об исторической реальности. Наша заинтересованность «частным» разговором вызвала недовольство президиума, в котором находились не только представители дирекции и общественности, но и ответственные лица из Москвы. Председательствующий обратился к нам и заявил: «Что-то Лотман и Лихачев нехоти оживились». Таким образом он намекнул, что «гроза» нас еще не миновала. Эти старые воспоминания внушили мне мысль предложить в сборник, посвященный юбилею Д. С. Лихачева, этюд об истолковании одного из важнейших мест «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, касающийся настроений народа в начале XVII столетия.

В статье рассматривается вопрос о значении и смысле слов одного из персонажей пьесы — Гаврилы Пушкина, истолкование которых влияет на интерпретацию произведения в целом.

Вот эти слова (сцена «Ставка». Ст. 33—35), обращенные к Басманову, которого Гаврила Пушкин склоняет к переходу на сторону Лжедмитрия:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
 Не войском, нет, не польскою помощью,
 А мнением, да! мнением народным

Это веское, важное заявление одного из наиболее активных участников изображенного в трагедии исторического кризиса неизменно цитируется при анализе произведения и интерпретируется как выражение принципиальной точки зрения народа, его приговора участникам конфликта, его твердой позиции. При этом игнорируется то обстоятельство, что в слове «мнение» для Пушкина мог слышаться оттенок смысла, во многом меняющий значение сообщения персонажа.

Конечно, Гаврила Пушкин — заговорщик и сторонник Лжедмитрия внушает Басманову, что народ на стороне его «патрона». Однако из разговора их вовсе не следует, что собеседники верят в правоту претендента на престол. Даже убеждающий Басманова клевет Лжедмитрия допускает: «Быть может он Димитрий настоящий, / Быть может он и самозванец». Его собеседник решительно отвергает всякие колебания в вопросе о правах «царевича» на престол. Он говорит Гавриле Пушкину: «Пустого мне не говори; я знаю, / Кто он такой». Басманов знает о расследовании, которое было произведено по распоряжению Бориса Годунова, что не мешает ему склониться к предательству.

Таким образом, «мнение народное», как следует из разговора этих двух деятелей «смуть», для них не имеет никакого отношения к тому, на чьей стороне правда и ради чего народ поддерживает мнимого наследника Ивана Грозного. Оно используется ими как средство в политической борьбе.

Слово «мнение» имеет далеко не однозначный смысловой ореол. В словарях оно ставится в связь с родственными ему однокоренными словами, такими, как «мниться», которое В. И. Даль поясняет: «думаться, казаться, представляться, видиться, мерещиться».¹ М. Фасмер существительное «мнение» производит от «мнить».² П. Я. Черных к распространенному в словарях объяснению слова «мнить» — «думать, считать, полагать» делает существенное дополнение: «надеяться (обычно ложно, напрасно)».³ Даль помещает слово «мнимый» в рубрику производных от слова «мнить» и дает ему важное для нас объяснение: «мнимый, на одном только мнении основанный, неистинный, неподлинный, призрачный и воображаемый, видимый и обманчивый» (Курсив мой. — Л Л). Такое понимание слов «мнение», «мнимый» и «мнить», связанное с убеждением в обманности, шаткости представлений, возникающих на основе «только мнения», без других, более прочных, оснований, особенно ценно для нас, так как наблюдения Даля над живой русской речью складывались в пушкинскую эпоху. Даль в этом отношении может нами цениться как особенно авторитетный «свидетель».

В произведениях Пушкина глагол «мниться» используется в различном значении. Когда поэт в стихотворении «Полководец» говорит об участниках Отечественной войны, изображенных на портретах в галерее Зимнего дворца:

И, мнится, слышу их воинственные клики
 Из них уж многих нет —

речь идет о чистой иллюзии, когда же в стихотворении «Мирская власть» обращается к «рачительным» «стражам порядка» с инвективой:

Иль мните важности придать царю царей? —

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка М., 1955 Т. 2 С. 334

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка В. 4 т. М., 1967 Т. 2 С. 632

³ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка М., 1993 Т. 1

то «мните» в данном контексте означает гневное обличение нелепого, заведомо ложного мнения (ср. у Тютчева: «Не то, что мните вы природа», у Лермонтова: «Пороки юности преступной / Я мнил страданьем искупить»).

В другом контексте поэт или лицо, которое выражает свое мнение в его поэтических строках, верят в свои слова, и мнимость этой уверенности может проявиться лишь впоследствии.

В стихотворении «19 октября 1831», говоря

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый

поэт верит в провиденциальное значение своего предчувствия.

В сатирической оде «На выздоровление Лукулла» Пушкин сопоставляет то, что «мнит» уверенный в своем преждевременном расчете наследник умирающего богача, с объективным ходом событий:

Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загрести он злата горы
В пыли бумажных куч.
Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек».

В трагедии «Борис Годунов» Пушкин употребил слово «мнить» несколько раз, и всегда в значении «поддаться обманчивой, несбыточной надежде, ложной мысли, самообольщению».

В сцене «Царские палаты» в своем центральном монологе, вспоминая свои разочарования, Годунов Пушкина дважды произносит слово «мнил» и оба раза в одном значении:

В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком —
Как буря, смерть уносит жениха.

В обоих случаях «мнил» значит «попусту надеялся».

В диалоге Марины и Самозванца в сцене «Ночь. Сад. Фонтан» при взаимном разрушении иллюзий честолюбивые «партнеры» перебрасываются словом «мнить» как знаком ложных упований собеседника. После опасных откровений Лжедмитрия Марина бросает ему презрительно:

Не мнишь ли ты коленопреклоненьем,
Как девочки доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умилишь?

На угрозы разоблачений с ее стороны Самозванец возражает:

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь? —

и далее, разъясняя ей свое место в политической борьбе, в расчетах короля, папы, польских магнатов и в ставке их на него в борьбе с Россией, Самозванец доказывает ей беспочвенность ее агрессивной позиции. Свою неуязвимость он объясняет тем, что он как бы «не существует»:

...знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.

В подлинность мнимого Дмитрия-царевича не верят и в России ни враги Годунова — родовитые «природные» князья и бояре, ни сам Годунов, на минуту усомнившийся в возможности такой наглой авантюры.

Афанасий Пушкин (лицо вымышленное), сообщающий в трагедии Шуйскому о появлении Лжедмитрия в Польше, поясняет:

Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец...

Василий Шуйский произносит со своей стороны окончательное суждение о ситуации:

Сомненья нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой.

Сообщающий это известие Годунову Василий Шуйский не скрывает от царя, что опасность, которая грозит державе, исходит от народа. В своем доме с другом он видит источник склонности народа к мятежу в его недовольстве тяготами своего положения, постепенном закреплении:

...Попробуй самозванец
Им послужить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Царю он говорит о политической опасности, ссылаясь на особенности народа:

Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Дмитрия воскреснувшее имя.

Эта характеристика народа — ход в очередной политической игре старого интригана, но действительно Годунов, как его изображает Пушкин, «знает сам», что народ «изменчив» (выбрав его, он затем полностью отказывается ему в доверии), равнодушен к объективной оценке его политических усилий, но готов верить любой клевете о нем. Однако то, что Годунов не может в полной мере оценить, это насколько «легко пустой надежде предана» народная толпа, насколько «суеверна» и «баснями питается она», т. е. слухами и легендами. Характеристика, которую дает обывателю Шуйский в трагедии, по мысли автора, не глупа и содержит ряд верных наблюдений. В своих замечаниях на «Анналы» Тацита Пушкин, по поводу политической ситуации в древнем Риме, аналогичной той, которая сложилась в России в конце XVI в., пишет, говоря о захватившем престол после смерти Августа Тиберии: «Первое злодеяние его (замечает Тацит) было умерщвление Постумы Агриппы, внука Августова. Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостью, то Тиберий

был прав. Агриппа, родной внук Августа, имел право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. Таковые люди всегда могут иметь большое число приверженцев — или сделаться орудием хитрого мятежника».⁴

Самозванец «хитрый мятежник», авантюрист, но многие черты этого героя и в пьесе, и в реальности, которые отметил Пушкин («он храбр, великодушен и хвастлив», любит «удовольствия и войну»),⁵ могут сделать его популярным. Вместе с тем в политической борьбе он не более как «знак», орудие сталкивающихся сил и интересов.

В незаконченном вольном переводе оды Горация Пушкин вложил в уста римлянина, вспоминающего труды и опасности времени своего участия в боях, слова:

Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил

Самозванец, скрывая от поддерживающего его народа свои подлинные намерения, ведет против Годунова войско, часть которого отстаивает свои, эгоистические интересы, большая же часть находится в ослеплении, верит одновременно и в злодейство Годунова, убившего Димитрия, в святость убиенного отрока и в чудесное его спасение в лице Самозванца.⁶

Авантюрист ведет их за их мечтой о легитимном, нравственно безупречном царе, мечтой, которая породила в народе легенды о возвращающемся царе-избавителе, святом царе и гонимых царских детях.⁷

В моменты больших социальных и политических кризисов «эпидемии» самозванства и охватившие народные массы мифологические поветрия наблюдались уже в древнем мире (в древнеперсидском государстве, в Риме), в средние века и в XVIII в. в Европе (легенды о Карле Великом, Фридрихе Барбароссе и Фридрихе II — в германских государствах, легенды о короле Себастиане в XVII—XVIII вв. — в Португалии), на Востоке (легенды о «скрытом имаме» в мусульманских арабских и персидских государствах).

Исследователь народных социально-утопических легенд и мифов К. В. Чистов, опираясь на В. О. Ключевского, утверждает, что «ни одна страна, кроме России, не знала столь многократного самозванчества, игравшего столь значительную роль в истории народа и государства».⁸

Страстные поиски социальной справедливости и фантастическая вера в возможности мгновенного воплощения нравственного идеала делали в России «взрывоопасным» бытование подобных легенд. К. В. Чистов отмечает, что легенда о «воскресшем», «спасенном» царевиче Димитрии возникла не сразу после смерти его, но через несколько лет, в момент, когда решался вопрос о престолонаследии, таким образом, ее зарождение предшествовало аванюре Отрепьева.⁹ В другой части своей монографии исследователь отмечает, что в конфликте Петра I и его сына Алексея «народный вымысел значительно обогнал реальное развитие событий»,¹⁰ и, констатируя парадоксальность данного феномена, напоминает, что сходное явление уже замечено

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. 4-е изд. Л., 1978. Т. 8. С. 93—94.

⁵ Там же. Т. 7. С. 113, 520.

⁶ Об этом см. Серман И. Парадоксы народного сознания в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Russian Language Journal 1981. Т. 35, № 120. Р. 83—88.

⁷ См. Чистов К. В. Русские народные и социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М. 1967. С. 24—48.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Там же. С. 36—38.

¹⁰ Там же. С. 117.

и явилось предметом научного обсуждения в отношении песни о Грозном, в которой «предвосхищено убийство этим царем своего сына».¹¹

Политические «партии» и группы использовали «тлевшие» в сознании народа мифологические и легендарные сюжеты как мощное средство воздействия на настроение общества, возбудитель его активности.

Борис Годунов обвинил бояр, в частности Романовых, в подготовке Григория Отрепьева к авантюре. Вместе с тем народ, хранитель и носитель старинных, древних «сюжетов», готовый всегда воспринять их и поверить им, был источником схем, «моделей» слухов, безошибочно возбуждающих «мнение» толпы, и даже самих поступков. Правда, последствия этих «возбуждений» не мог предвидеть никто из участников борьбы.

В 30-е гг. Пушкин сформулировал мысль о соотношении случайного и закономерного в историческом процессе. Обращаясь к современным ему интерпретаторам истории, он высказал важную для него и глубокую мысль: «Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астрономом и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но Провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая*, мощного мгновенного орудия Провидения».¹²

Пушкин создал в своей трагедии поле драматического напряжения, показав жестокие конфликты, возникающие в ходе борьбы за власть в высших слоях общества, которые сами пришли в движение в процессе социальных и исторических сдвигов и кризисной ситуации. При этом одной из оригинальных особенностей драматического действия в его трагедии явилось то, что народ в ней предстает не только как активный участник этого процесса, но как разнородная масса, все время меняющая свои настроения и направление своей активности, генератор движений, которые можно осмыслить как проявления случая — «мощного мгновенного орудия Провидения».

Как и власть имущие, простые люди — крестьяне, городские жители озабочены своими материальными интересами, однако, если богатые бояре и даже дворяне хотят сохранить и умножить свои достатки, простые люди бедствуют и вынуждены думать о спасении своей жизни. Поэтому в их среде легенда о спасенном царевиче-«освободителе» мгновенно получает широкое распространение. Пушкин продемонстрировал это наглядно в сцене «допроса» пленного дворянина Рожнова Самозванцем о положении в Москве и в войске. Рожнов дает понять, что в Москве слух о «воскресшем» Димитрии имеет успех и что Годунов вынужден принимать жестокие меры, чтобы остановить распространение этого слуха. Совершенно иначе, без мистического воодушевления, к этому слуху относятся в войске:

Самозванец

Ну, войско что?

Пленник

Что с ним? одето, сыто

Довольно всем

¹¹ Пропп В. Я. «Песня о гнев Грозного на сына» // Вест ЛГУ 1958 № 14 Сер. истории, языка и лит.-ры Вып. 3 С. 75—103, Путилов Б. Н. «Песня о гнев Грозного на сына» // Русский фольклор М., Л., 1959 Т. 4 С. 5—32

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 7 С. 100

Самозванец

Ну! обо мне как судят в вашем стане?

Пленник

А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец

Самозванец (смеясь)

Так это я на деле
Им докажу.

(сцена «Севско»)

Самозванцу более близка эта характеристика, чем взятая им на себя роль царевича (Марине он в пылу спора без всякого уважения к тому, имя которого себе присвоил, говорит: «твой Димитрий / Давно погиб, зарыт — и не воскреснет» — сцена «Ночь. Сад. Фонтан»). Вместе с тем он делает главную ставку на «мнение народа», распространение слуха о царевиче и влияние этого слуха на умы: «Что? ждут меня?», — спрашивает он Рожнова после его сообщения, что в Москве пока «все, славу Богу, тихо».

Изображение путей получения знаний, информации о происходящем, знания, которое затем приобретет форму слуха, мнения, убеждения, а затем предубеждения, не приемлющего опровержений, проходит через всю трагедию Пушкина. При этом подобные знания приходят в высшие слои общества из достоверных источников, в народе же распространяются иными путями и, обращаясь в массе передающих и слушающих, обрастают массой мифологических подробностей и поэтических клише.

Уже в первой сцене трагедии не информированный во всех подробностях политической карьеры Годунова именитый боярин Воротынский получает точную информацию от ближнего к правителю лица — Василия Шуйского, который непосредственно вел следствие в Угличе после гибели царевича, допрашивал свидетелей. Постоянно общаясь с Годуновым, пережив гонения на Шуйских, в ходе которых были коварно умерщвлены выдающиеся представители рода, он характеризует Воротынскому нрав претендента на престол Бориса Годунова по личным впечатлениям и опираясь на факты.

Этой сцене противопоставлены две сцены (во всяком случае, в тексте трагедии 1825 г.), изображающие активность народа («Красная площадь» и «Девичье поле. Новодевичий монастырь»). В обеих сценах народ, убеждаемый представителем боярской Думы и духовенством, напуган опасностью безвластия и просит Годунова принять царский венец. Для народа это действие обобщается впечатляющим зрелищем, участием в массовом, захватывающем выступлении, в ходе которого толпа от полного безразличия и привычного, ставшего как бы обязательным непонимания происходящего («А как нам знать? то ведают бояре, / Не нам чета») постепенно, но быстро «заражается» эмоциональным порывом. Те, кто ближе к действующим лицам политического спектакля, скорее, те, кто дальше, медленнее. «Дальние» сначала наблюдают приближающиеся к ним круги от эмоционального взрыва, но затем подпадают под его влияние, сохраняя, однако, сознание своей неосведомленности:

Один

Что там за шум?

Другой

Послушай! что за шум?

Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд еще еще Ну, брат,
Дошло до нас, скорее! на колени!

Н а р о д (на коленях *Вой и плач*)

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

О д и н

Все плачут,

Заплачем, брат и мы

Н а р о д

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!
(сцена «Девичье поле Новодевичий монастырь»)

В сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» инок Григорий (он же Юрий Отрепьев) узнает правду об углической трагедии от очевидца летописца Пимена. Но эту правду он совсем не хочет сделать общим достоянием, хотя и грозит царю «мирским судом». Более того, вскоре он использует эту правду для того, чтобы создать опасную ложь и заменить «мирской суд» мирским заблуждением. Вся дальнейшая его блистательная карьера основана на этой лжи, на обмане и циничном попрании правды.

Носитель правды Пимен свое свидетельство, свой «донос ужасный» обращает не к современникам, признавая, что «владыкою себе царевубийцу мы нарекли», а к потомкам («Да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу»).

В дальнейшем в пьесе сцены, где власть имущие узнают из достоверных источников правду, перемежаются также со сценами, где ложные сведения сознательно распространяются в народе.

В сцене «Москва. Дом Шуйского» весть о появлении Самозванца в Польше приходит к боярам от непосредственного свидетеля успехов Лжедмитрия при польском дворе, вскоре ставшего его главным пособником, Гаврилы Пушкина. Сведения о «польских новостях» Василий Шуйский передает Годунову, все время пытаясь установить, что ему самому известно. Тут же царь узнает точные сведения о смерти царевича Димитрия от такого непосредственного свидетеля углических событий, как Шуйский, возглавлявшего на месте следствие.

В сцене «Царская дума» Шуйский обещает царю сказать народу правду — из политических соображений выступить перед ним и удостоверить смерть Димитрия.

Сам вижу я необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить,

Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу

Однако семена заблуждения, посеянные интригой, уже дали бурные всходы. Народ охвачен верой в явление «спасенного царевича» (сцена «Площадь перед собором в Москве»)

П е р в ы й

Что, уж проклинали *того*?

Пускай себе проклиняют, царевичу дела нет до Отрепьева

Другой

А царевичу поют теперь вечную память.

Первый.

Вечную память живому! Вот уже им будет, безбожникам.

И тут же в толпе народа выразитель ее мнения Юродивый высказывает мысль прямо противоположного свойства — Борис Годунов — убийца царевича: «Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича. <...> нельзя молиться за царя Ирода — богородица не велит».

Так «народное мнение» сложилось во всей своей противоречивости и взрывной силе. Отсюда прямой путь к «энтузиазму» толпы в сцене «Лобное место», когда после «агитационной» речи клеветы Самозванца Гаврилы Пушкина народ приходит в бурное движение:

Народ.

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий, наш отец

Мужик на амвоне.

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

Народ (*несется толпою*).

Вязать! топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!

От обаяния этого мифологического поветрия, породившего «мнение» народа, он начинает освобождаться в трагедии Пушкина в сцене «Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца». Сцена эта существует в двух редакциях. В 1825 г. поэт закончил ее тем, что народ, присутствующий при расправе с Федором Годуновым и его матерью и слышавший женские крики из дома, отвечает на преподносимую ему ложь об их самоубийстве тем, что «в ужасе молчит» и лишь по принуждению выкрикивает слова, которые до того провозглашал с энтузиазмом: «Да здравствует царь Димитрий Иванович!».

Публикуя в 1830—1831 г. «Бориса Годунова», Пушкин изменил концовку. Народ, осознавая свое заблуждение, «безмолвствует». В обоих вариантах «мнение народа» вызывает у самого народа критическую реакцию, хотя в первой редакции говорилось об «ужасе» толпы, но и о ее покорности окрику боярина, а во второй редакции автор ограничивается формулой «Народ безмолвствует».

Можно отметить, что таким окончанием, свидетельствующим о разочаровании в своих убеждениях и глубокой задумчивости действующих лиц, весьма редким в драматургии, Пушкин завершил также две из четырех своих маленькие трагедии «Моцарт и Сальери» и «Пир во время чумы».

В оставшемся вне пределов пьесы Пушкина, ввиду временного ограничения действия его «Бориса Годунова», историческом эпизоде Самозванец ошибочно оценил народное мнение, и эта его ошибка имела для него роковые последствия.

Лжедимитрий, захватив престол и уверившись, что народ видит в нем живого, избегшего рук убийцы царевича, пожелал логически воплотить такой взгляд и уничтожить могилу подлинного царевича Димитрия. Это решение глубоко оскорбило Марию Нагую, всенародно признавшую до того в нем своего сына, явилось толчком, подтолкнувшим оформление заговора против него, приведшего к его гибели.

Содержание трагедии и исторические факты, которые были известны поэту, давали ему основание интерпретировать слова «мнение народное» не как выражение окончательного, осознанного приговора народа участникам исторического конфликта, не как обозначение мудрости простых людей, а как обозначение рокового заблуждения.

Проявления специфического интереса поэта к некоторым сторонам грамматики русского языка могли обострить у него ощущение живой связи слова «мнение» с родственными ему однокоренными с ним словами «мнить», «сомнение», «мнимый».

Интерес к «корнесловию», к этимологии слова, ее «актуализация», которая в XX в. стала важной составной частью «поэтической работы», был присущ Пушкину. Он нашел свое отражение в некоторых записях поэта, в его рассуждениях о правописании отдельных слов на основании их корня, например, о том, как должно писать слово «телега», о том, каково значение слова «богадельня» и каково должно быть его написание, о том, как надо правильно понимать некоторые слова в пословицах.¹³ Склонность поэта к «корнесловию» сказалась и в истолковании им слова «смерд» как производного от глагола «смердить» (письмо Пушкина П. А. Вяземскому от 7 ноября 1825 г.).¹⁴ С. А. Фомичев обратил внимание на то, что в стихотворении «Лицейская годовщина» выражение «смущенные народы» употреблено так, что эпитет «смущенные» ассоциируется с понятием «смута».¹⁵ Это наблюдение фиксирует один из фактов особенного характера словоупотребления у Пушкина, к разряду проявлений которого относится и выражение «мнение народное» в «Борисе Годунове».

В заключение следует отметить не указанный до сих пор в специальной литературе факт заимствования выражения «мнение народное» Ф. В. Булгариным из не опубликованного в то время «Бориса Годунова» Пушкина в его романе «Дмитрий Самозванец». Рукопись трагедии была задержана в III Отделении, чтобы Булгарин успел опубликовать свой роман прежде, чем Пушкину будет дано разрешение напечатать свою трагедию. С. П. Шевырев писал 15/27 февраля 1830 г. С. А. Соболевскому: «В канцелярии задерживают Годунова, потому что выходит Самозванец Булгарина. Ему хочется опередить. В напечатанном отрывке есть, говорят, кража».¹⁶

Действительно, роман Булгарина «определил» публикацию трагедии Пушкина на несколько месяцев. Обнаружив в этом романе явные заимствования из рукописи своего неопубликованного произведения, Пушкин убедился, что Булгарин был причастен к злоключениям его трагедии в недрах III Отделения. Свое возмущение фактом литературного плагиата Булгарина Пушкин изложил в статье «Опровержение на критики», которая не была им закончена. Здесь Пушкин перечислил ряд заимствований в романе «Дмитрий Самозванец» из «Бориса Годунова», не отметив, однако, присвоение Булгариным выражения «мнение народное». Между тем Булгарин вложил в уста Иваницкого, польского агента, выдающего себя за царевича Дмитрия, слова о положении царя Бориса: «Я возбудил против него неприятеля — мнение народное».¹⁷ В главе XXVI Бучинский в разговоре с Самозванцем

¹³ Там же Т 7 С 122, 357, 365

¹⁴ Там же Т 10 С 146

¹⁵ Фомичев С. А. Драматургия А. С. Пушкина // История драматургии XVII—первой половины XIX вв. Л., 1982 С 265

¹⁶ Литературное наследство М., 1934 Т 16—18 С 744

¹⁷ Булгарин Ф. Полн. собр. соч. СПб., 1842 Т 2 С 65

говорит ему: «...вся сила твоя — мнение народное, которым трудно управлять без верных, умных, преданных помощников».¹⁸

Выражение «мнение народное» неоднократно повторено в оглавлении романа. Булгарин использует это словосочетание в аннотациях к XXIV, XXVII и XXXI главам. Однако в его интерпретации «мнение народное» — это толки, сплетни, предположения, бытующие в толпе. Булгарин передает народные толки в форме драматических сцен. Так, в XXVII главе романа «мнение народное» предстает как панегирическое восхваление на многие голоса нового царя. В XXX главе народ восхваляет Василия Шуйского и передает слухи о «еретическом» образе жизни царя, затем участвует в восстании и расправе с Лжедмитрием, причем автор спешит заверить читателя: «...простолыдины в мятеже следовали только внушению бояр».¹⁹

Заключение романа (глава XXXI) в подзаголовке обозначено также словами «Мнение народное». Тут опять в своеобразной народной сцене москвичи единодушно одобряют свержение Димитрия-самозванца, гордятся своим участием в избиении поляков из его свиты и поют песню о гибели чернокнижника расстриги Гришки. Автор собирает в отдельный кружок лиц, оставивших воспоминания о московских событиях начала XVII столетия (пастора Бера, капитана Маржерета, Авраамия Палицына и др.) и передает их мнения о Самозванце, которыми они якобы обменивались в живой беседе на площади среди народа, — ситуация, конечно, совершенно нереальная.

Внезапно «толпа всадников прискакала на площадь». Они сообщили об избрании Василия Ивановича Шуйского на царство. «Народ молчал и как будто оцепенел».²⁰

Но Авраамий Палицын и «престарелый схимник Вассиан» предрекают, что только с воцарением Романовых Россия успокоится и возвеличится.

Такова интерпретация понятия «мнение народное», которую дает Булгарин.

¹⁸ Там же. С. 277.

¹⁹ Там же. С. 332.

²⁰ Там же. С. 338.